

«Букварь для вотяцких детей Сарапульского уезда»: морфологические особенности

Безенова Мария Петровна, Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН (Ижевск),
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва); mary_kaj@mail.ru

В статье рассматриваются морфологические особенности «Букваря для вотяцких детей Сарапульского уезда» (1882). Актуальность исследования обусловлена тем, что письменные памятники являются одним из основных источников изучения истории языка, однако большинство памятников удмуртской письменности на данный момент еще не рассмотрено.

В работе описываются основные грамматические категории имени существительного (число, притяжательность, падеж) и глагола (зачленение, наклонение, время), а также неспрягаемые формы глагола (инфинитив, причастие, деепричастие). Анализ морфологических особенностей проводится на основе выявленных ранее графических и фонетических особенностей письменного источника. При этом задействован метод сопоставления языкового материала памятника с данными литературного языка и современных удмуртских диалектов. По возможности также затрагиваются вопросы происхождения морфологических маркеров с целью выявления инновационного либо архаичного характера особенностей, отраженных в исследуемом памятнике на морфологическом уровне.

В результате анализа нам удалось выявить ряд особенностей в образовании форм множественного числа имен существительных, исходного падежа, возвратного залога от глаголов I спряжения и деепричастий, посредством которых язык памятника отличается от современного литературного удмуртского языка и некоторых его диалектов. При этом, как показал анализ, все выявленные особенности представлены в современных говорах южной диалектной зоны удмуртского языка, что подтверждает предположение, выдвинутое ранее на основе анализа фонетической системы этого памятника, согласно которому в основе букваря может лежать говор, расположенный на современной территории северной части Малопургинского района Удмуртской Республики.

Ключевые слова: удмуртский язык, диалектология, сарапульское наречие, памятники письменности, морфологические особенности

“PRIMER BOOK FOR VOTYAK CHILDREN OF THE SARAPUL DISTRICT”: MORPHOLOGICAL FEATURES

Maria P. Bezenova,
Udmurt Institute of History, Language and Literature Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch, RAS (Izhevsk),
Ivannikov Institute for System Programming, RAS (Moscow); mary_kaj@mail.ru

The article examines the morphological features of the “Primer book for Votyak children of the Sarapul district” (1882). The significance of the study lies in the fact that although written records are one of the main sources for studying language history, most of Udmurt written records have not been examined yet.

The paper describes the main grammatical categories of the noun (number, possession, case) and the verb (voice, mood, tense), as well as those of the non-conjugated verb forms (infinitive, participle, adverbial participle). The analysis of morphological characteristics is based on the previously identified graphic and phonetic features of the written source and employs a comparative method: the linguistic data were compared with the data from the literary language and modern Udmurt dialects. Furthermore, whenever possible, the issues of the origin of morphological markers are raised in order to identify the innovative or archaic nature of the characteristics which are reflected in the written record at the morphological level.

As a result, the analysis has revealed a number of features in the formation of the plural forms of nouns, the elative case, the reflexive voice from the verbs of the first conjugation and adverbial participles. At the same time, as the analysis shows, all these features are still present in the modern dialects of the Southern Udmurt dialect zone. This confirms the assumption put forward earlier and based on the analysis of the phonetic system of the written record that the primer may have been based on a dialect located in the modern territory of the northern part of Malopurginsky district of the Udmurt Republic.

Keywords: the Udmurt language, dialectology, Sarapul dialect, written records, morphological features

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 20-18-00403 «Цифровое описание диалектов уральских языков на основании анализа больших данных».

1. Введение

Статья посвящена анализу морфологических особенностей «Букваря для вотяцких детей Сарапульского уезда»¹ (1882). В состав Сарапульского уезда в конце XIX в.² входила территория современной Удмуртской Республики, на которой сегодня распространены южные кырыкмасские, срединные верхнеижские и средневосточные, а также частично северные верхнечепецкие говоры удмуртского языка. Анализ графико-орфографических и фонетических особенностей источника, представленный в работе [Безенова 2022a], позволил предположить, что в основе памятника, скорее всего, лежит один из говоров южной диалектной зоны, расположенный на границе срединных и центрально-южных говоров удмуртского языка, т. е. на данный момент это говор северной части Малопургинского района Удмуртской Республики. В статье, с целью подтверждения выдвинутой ранее гипотезы относительно диалектной принадлежности источника, мы рассмотрели особенности памятника на уровне морфологии. Для этого в работе описаны основные грамматические категории имени существительного (число, притяжательность, падеж) и глагола (залог, наклонение, время), а также неспрягаемые формы глагола (инфинитив, причастие, деепричастие), характерные для удмуртского литературного языка и его диалектов.

Анализ морфологических особенностей проведен путем сопоставления языкового материала памятника с данными литературного языка и современных удмуртских диалектов. При описании морфологических явлений букваря мы старались классифицировать, какие из них — инновации, а какие — архаизмы, сохранившиеся от праудмуртского языка, поскольку принадлежность письменных источников к тому или иному диалекту определяется набором общих инноваций, а не сохранившихся архаизмов.

2. Именная морфология

2.1. Число

Морфологическая категория числа имен существительных в современном удмуртском языке базируется на оппозиции форм единственного и множественного числа. Формы единственного числа характеризуются отсутствием формальных показателей (*гурезь* ‘гора’, *ки* ‘рука’, *писпу* ‘дерево’). Множественное число образуется путем присоединения суффикса *-ос* к основам на гласные (*губиос* ‘грибы’, *коркаос* ‘дома’, *пырыос* ‘крошки’) и маркера *-йос* (графически *-ёс*) к основам на согласные (*бамъёс* ‘щеки’, *кидысьёс* ‘семена’, *пыдъёс* ‘ноги’) [УКК 2011: 27].

В «Букваре для вотяцких детей Сарапульского уезда» множественное число имен существительных образуется с помощью суффикса *-йос*, который присоединяется не только к основам, оканчивающимся на согласный, но и к основам с финальным гласным³:

дышецкисийосыз ‘его ученики’⁴ PL-POSS.3SG — литер. *дышеткисьёсыз*, *кылйос* ‘слова’ PL — литер. *кыльёс*, *муртйос* ‘люди’ PL — литер. *муртъёс*, *перешйослы* ‘старикам’ PL-DAT — литер. *пересьёслы*, *ужйоссы* ‘их дела’ PL-POSS.3PL — литер. *ужъёссы* и др.;

нылтийослен ‘у детей’ PL-GEN — литер. *нылтиослэн*, *покицийослы* ‘младшим’ PL-DAT — литер. *покчиослы*, *потемтейослы* ‘не желающим’ PL-DAT — литер. *потымтэослы*.

Формы множественного числа, образующиеся посредством присоединения маркера *-йос* к основам с конечной гласной, характерны и для отдельных диалектов современного удмуртского языка. Подобные формы встречаются в некоторых севернудмуртских [Карпова 2018: 169] и центрально-южных говорах [Кельмаков 1977: 41; Атаманов 1981: 52; Загуляева 1982: 6]. Однако более системно это явление представлено в закамском и татышлинском периферийно-южных говорах [Кельмаков 2006: 116], а также в косинском говоре нижнечепецкого диалекта удмуртского языка [Карпова 2018: 168].

¹ Конкорданс к данному памятнику можно найти на сайте <http://lingvodoc.ispras.ru>.

² Согласно карте Сарапульского уезда 1892 г. http://www.etomesto.ru/map-udmurtiya_sarapulskiy-uezd-1892/.

³ Аналогичное явление было зафиксировано нами также в книгах «Ўгет. Святой Тихон дышетэм жеч кыльёс. Наставление христианское св. Тихона» (1878), «Жеч кыльёс. Святой Тихонлэн жечлы дышетэм кыльёсыз. Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» (1891) и «Святой Феодорлэн улэмез. Житие св. Феодора. На вотском языке елабужского наречия» (1913) [Безенова 2022б: 69, 226, 334]. Единичные примеры встречаются и в «Закон Божий: Книжка с картинками для маленьких детей на вотском языке глазовского наречия» (1912), однако в данном памятнике в абсолютном большинстве примеров к именным основам на гласные присоединяется аффикс *-ос* [там же: 166].

⁴ В примерах сохранена графика и орфография источников. Переводы с русского на удмуртский язык даются по электронному словарю <http://udmcorpus.udman.ru/dictionary> с учетом контекстов.

Что касается происхождения данного маркера, на сегодняшний день существуют различные гипотезы [Лыткин 1931: 108; Uotila 1933: 182—183; Kövesi 1965: 152; Кондратьева 2011б: 36 и др.], согласно которым в составе морфологического показателя множественного числа имен существительных изначально был согласный *й*, который «в словах с основами на финальный гласный в результате ослабления позиции *й* в интервокальном положении преобразовался в *-ос*» [Карпова 2018: 169—170]. Исходя из этого, можно предположить, что формы множественного числа, образованные в букваре с помощью маркера *-йос* от основ с конечной гласной, представляют собой более архаичные варианты по сравнению с их современными литературными соответствиями.

2.2. Притяжательность

Морфологически категория посессивности в современном удмуртском языке выражается различными лично-притяжательными суффиксами (см. таблицу 1)⁵.

Таблица 1. Лично-притяжательные суффиксы [ГСУЯ 1962: 82]

Один обладатель		
	Одно обладаемое	Много обладаемых
1-е лицо	-э (-е), -ы 'мой, моя, мое'	-ы 'мои'
2-е лицо	-эд (-ед), -ыд 'твой, твоя, твое'	-ыд 'твой'
3-е лицо	-эз (-ез), -ыз 'его, ее'	-ыз 'его, ее'
Много обладателей		
	Одно обладаемое	Много обладаемых
1-е лицо	-мы 'наш, наша, наше'	-мы 'наши'
2-е лицо	-ды, -ты 'ваш, ваша, ваше'	-ты 'ваши'
3-е лицо	-зы, -сы 'их'	-сы 'их'

Как видим, в случае единственного числа обладателя и обладаемого в удмуртском языке функционируют два варианта огласовок посессивных показателей. При этом подавляющее большинство существительных оформляется э-овыми притяжательными суффиксами. Наличие *ы*-овых вариантов одни ученые связывают с семантическими признаками имен существительных [ГСУЯ 1962: 82—83], другие — с исторической фонетикой [Fokos 1963: 217; Лыткин 1970: 231—233]. По мнению третьих, современная система притяжательных суффиксов в удмуртском языке сложилась в результате прохождения нескольких этапов: фонетического, семантического и морфологического [Кельмаков 1993: 25—27]. Третий этап, для которого характерно «постепенное поглощение небольшой *ы*-группы имен существительных э-группой через промежуточную ступень варьирования у них форм на *-ы* и *-э*» [там же: 27], можно заметить сегодня как в удмуртском литературном языке (ср. *кузпалы* ~ *кузпалэ* 'мой супруг / моя супруга', *йырыд* ~ *йыред* 'твоя голова', *нуналыз* ~ *нуналэз* 'его день'), так и в отдельных диалектах (юж. *вил'ыз* // сред. *вил'эз* 'новое', кукм. *чужмортъд* // сред. *чужмортэд* 'твой дядя (по матери)' [там же]). При этом сопоставление данных памятников письменности конца XIX — начала XX в. и современных диалектных материалов также свидетельствует о значительной утрате *ы*-овых огласовок в удмуртском языке за последние 100—120 лет [Норманская, Безенова 2018: 86].

В «Букваре для вотяцких детей Сарапульского уезда» категория посессивности имен существительных выражена суффиксами, идентичными литературным (см. таблицы 2, 3).

В памятнике мы зафиксировали лишь один пример с отклонением от литературной нормы: *киед* 'твоя рука' POSS.2SG — литер. *кыыд*. Данные удмуртского литературного корпуса⁶ также подтверждают, что притяжательные формы единственного числа обладателя и обладаемого от существительного *ки* 'рука' в современных печатных текстах образованы с помощью маркеров с *ы*-овой огласовкой⁷.

⁵ В ряде косвенных падежей удмуртского языка (аккузатив, инструменталь, инессив, иллатив, элатив, эгрессив, пролатив, терминатив) в случае единственного и множественного числа обладаемых и единственного числа обладателей функционируют посессивные маркеры *-м(-)*, *-д(-)/-т(-)*, *-з(-)/-с(-)* без препозитивных огласовок (подробнее см. [УКК 2011: 36—37]).

⁶ <http://udmcorpus.udman.ru/>

⁷ Единичные случаи употребления формы *киед* встречаются в корпусе <http://udmurt.web-corpora.net/> (в материалах соцсетей и блогов) и в корпусах <http://multimedia-corpora.beserman.ru/search>, <http://beserman.ru/corpus/search/>, содержащих современные бесермянские данные.

Однако в связи с постепенным процессом замены *ы-* на *э-*огласовку, о котором мы говорили выше, на наш взгляд, все же не стоит исключать вероятность функционирования форм типа *кие* ‘моя рука’, *киед* ‘твоя рука’, *киез* ‘его рука’ в отдельных удмуртских говорах как на современном этапе, так и в конце XIX в.

Таблица 2. Выражение категории посессивности в букваре (формы индивидуального обладателя)

Лицо	Одно обладаемое	Много обладаемых
1	<i>тие</i> ‘мой сын’ POSS.1SG — литер. <i>тие</i>	не зафиксировано
2	<i>анайед</i> ‘твоя мать’ POSS.2SG — литер. <i>анаед</i> <i>атайед</i> ‘твой отец’ POSS.2SG — литер. <i>атаед</i> <i>ужамед</i> ‘твоя работа’ POSS.2SG — литер. <i>ужамед</i>	<i>дышмонйосыд</i> диал. ‘твои враги’ PL-POSS.2SG <i>эийосыд</i> ‘твои друзья’ PL-POSS.2SG — литер. <i>эшьёсыд</i>
3	<i>аресез</i> ‘его возраст’ POSS.3SG — литер. <i>аресэз</i> <i>тиез</i> ‘его сын’ POSS.3SG — литер. <i>тиез</i> <i>ужез</i> ‘его дело’ POSS.3SG — литер. <i>ужез</i> <i>кылыз</i> ‘его слово’ POSS.3SG — литер. <i>кылыз</i> <i>мылыз кыдыз</i> ‘его настроение’ POSS.3SG — литер. <i>мылыз-кыдыз</i> <i>пуныз</i> ‘его конец’ POSS.3SG — литер. <i>пуныз</i>	<i>дышецкйосыз</i> ‘его ученики’ PL-POSS.3SG — литер. <i>дышеткисъёсыз</i> <i>муртйосызлы</i> ‘его людям’ PL-POSS.3SG-DAT — литер. <i>муртъёсызлы</i> <i>ужйосызлы</i> ‘его делам’ PL-POSS.3SG-DAT — литер. <i>ужъёсызлы</i>

Таблица 3. Выражение категории посессивности в букваре (формы коллективного обладателя)

Лицо	Одно обладаемое	Много обладаемых
1	не зафиксировано	не зафиксировано
2	<i>анайдылещ</i> ‘от вашей матери’ POSS.2PL-ABL — литер. <i>анайдылэсь</i> <i>атайды</i> ‘ваш отец’ POSS.2PL — литер. <i>атайды</i> <i>шекты</i> ‘ваш порок’ POSS.2PL — литер. <i>шекты</i>	<i>дышмонйостес</i> диал. ‘ваших врагов’ PL-POSS.2PL-ACC <i>сьблыкйостес</i> ‘ваши грехи’ PL-POSS.2PL-ACC — литер. <i>сьблыкъёстэс</i>
3	<i>налпамзы</i> ‘их мысль’ POSS.3PL — литер. <i>малпамзы</i>	<i>кылйоссы</i> ‘их слова’ PL-POSS.3PL — литер. <i>кыльёссы</i> <i>ужйоссы</i> ‘их дела’ PL-POSS.3PL — литер. <i>ужъёссы</i>

2.3. Падеж

Система склонения литературного удмуртского языка включает 15 падежей: именительный (номинатив), винительный (аккузатив), родительный (генитив), разделительный (аблатив), дательный (датив), творительный (инструменталь), лишительный (абессив), соответственный (адвербиаль), местный (инессив), входный (иллатив), исходный (элатив), отдалительный (эгрессив), переходный (пролатив), предельный (терминатив), направительный (аппроксиматив). Из них в букваре встречаются только десять (см. таблицу 4). Адвербиальные, эгрессивные, пролативные, терминативные и аппроксимативные формы имен существительных в памятнике отсутствуют. Вероятно, главным образом это связано с небольшим объемом текстового материала букваря, который составляет лишь 11 страниц⁸, скорее всего, поэтому менее частотных падежных форм в источнике нет. В то же время отсутствие адвербиальных, аппроксимативных и терминативных форм в отдельных говорах южной диалектной зоны лингвисты объясняют и тем, что функционально они могут замещаться послеложными конструкциями (например, кркм. *ад’амийос с’аин* ‘по-людски’ — литер. *адямиосъя, адямиос сямен*; кркм. *гурт пала* ‘в сторону деревни, по направлению к деревне’ — литер. *гуртлань, гурт пала*; бтБК. *вал дыроз’* ‘до лошади’ — литер. *валозь, вал дорозь* и др. [Кельмаков 2006: 117—118]). Однако в тексте букваря не представлены не только морфологически маркированные падежные формы, но и послеложные конструкции, которые могли бы их замещать, т. е. в памятнике в целом отсутствуют семантически подходящие контексты.

⁸ К сожалению, другой памятник на сарапульском наречии этого же периода нам пока обнаружить не удалось, поэтому, несмотря на небольшой объем материала, мы были вынуждены взяться за описание именно этого источника.

Таблица 4. Падежные маркеры имен существительных

Падеж	Единственное число		Множественное число	
	[Букварь 1882]	литер.	[Букварь 1882]	литер.
номинатив	<i>∅</i> (52) ⁹	<i>∅</i>	<i>∅</i> (9)	<i>∅</i>
аккузатив	<i>-ез/-йез</i> (13)	<i>-эз/-ез</i>		
	<i>∅</i> (13)	<i>∅</i>	<i>-ыз</i> (5)	<i>-ты/-ыз</i>
	<i>-е</i> (41)	<i>-э/-е</i>		
генитив	<i>-ес</i> (11)	<i>-эс/-ес</i>		
	<i>-лен</i> (5)	<i>-лэн</i>	<i>-лен</i> (2)	<i>-лэн</i>
аблатив	<i>-леç</i> (14)	<i>-лэсь</i>	<i>-леç</i> (2)	<i>-лэсь</i>
датив	<i>-лы</i> (25)	<i>-лы</i>	<i>-лы</i> (11)	<i>-лы</i>
инструменталь	<i>-ен</i> (7)	<i>-эн/-ен</i>		
	<i>-ын</i> (1)	<i>-ын</i>	<i>-ын</i> (1)	<i>-ын</i>
	<i>-ыны-</i> (2)	<i>-ыны-</i>		
абессив	<i>-тек</i> (1)	<i>-тэк</i>	не зафиксировано	<i>-тэк</i>
адвербиаль	не зафиксировано	<i>-я</i>	не зафиксировано	<i>-я</i>
инессив	<i>-ын</i> (5)	<i>-ын</i>	не зафиксировано	<i>-ын</i>
	<i>-а-</i> (7)	<i>-а-/-я-</i>		
иллатив	<i>∅</i> (1)	<i>∅</i>	не зафиксировано	<i>-ы</i>
	<i>-а-</i> (11)	<i>-а-/-я-</i>		
элатив	<i>-иç</i> (5)	<i>-ысь</i>	не зафиксировано	<i>-ысь</i>
	<i>-иçкы-</i> (3)	<i>-ысьты-</i>		
эгрессив	не зафиксировано	<i>-ысен</i>	не зафиксировано	<i>-ысен</i>
пролатив	не зафиксировано	<i>-тй</i>	не зафиксировано	<i>-тй</i>
терминатив	не зафиксировано	<i>-озь</i>	не зафиксировано	<i>-озь</i>
аппроксиматив	не зафиксировано	<i>-лань</i>	не зафиксировано	<i>-лань</i>

Сопоставление падежных показателей памятника с литературными маркерами позволяет выделить три основные особенности, свойственные для текста букваря.

2.3.1. Множественное число имен существительных в **винительном падеже** образуется с помощью суффикса **-ыз**:

жырйосыз ‘глав’ PL-ACC — литер. *йыржэсты / йыржэсыз*;
калыкйосыз ‘людей’ PL-ACC — литер. *калыкжэсты / калыкжэсыз*;
кылйосыз ‘слова’ PL-ACC — литер. *кыльжэсты / кыльжэсыз*;
муртйосыз ‘людей’ PL-ACC — литер. *муртжэсты / муртжэсыз*;
ужаçйосыз ‘работников’ PL-ACC — литер. *ужаçжэсты / ужаçжэсыз*.

Как видим, в литературном удмуртском языке accusativ во множественном числе образуется с помощью маркеров *-ыз* либо *-ты*, при этом данные формы «используются на равноправных началах. Это удобно стилистически и для выражения существительных двух прямых дополнений в одном предложении» [ГСУЯ 1962: 93]. Однако на уровне диалектов наблюдается противопоставление: маркер *-ты* употребляется в говорах северной диалектной зоны, к которой относятся северное и бесермянское наречия, а также часть срединных говоров, а показатель *-ыз* функционирует в говорах южной диалектной зоны, которая включает в себя южное наречие и южную часть срединных говоров [Тепляшина 1975: 180—181]. Оба показателя, по мнению большинства ученых, восходят к прапермскому периоду [Кондратьева 2011в: 117—118].

2.3.2. Показатель **исходного падежа** в букваре функционирует в *и*-овой огласовке, ср.:

азьиç ‘с места’ ELA — литер. *азьысь*;
доскаиç ‘с доски’ ELA — литер. *доскаысь*;
дуньжэиç ‘из мира’ ELA — литер. *дуннеысь*;
иңмиç ‘с неба’ ELA — литер. *иңмысь*;
кнъигаиç ‘из книги’ ELA — литер. *книгаысь*.

Элативные маркеры с *и*-овой инициальной в целом характерны для говоров южной диалектной зоны, в то время как *ы*-овые варианты, представленные в удмуртском литературном языке, функционируют

⁹ Здесь и далее в скобках указано количество словоформ с тем или иным падежным показателем, которое нам удалось выявить в памятнике.

в говорах северной диалектной зоны [Кондратьева 2011а: 178]. Данная особенность, на наш взгляд, имеет инновационный характер, поскольку, как отмечают диалектологи, «южноудмуртские формы на *-и* имеют вторичное происхождение из более ранних форм на *-ы* под влиянием последующего палатально-го согласного *с'*» [Кельмаков 2006: 122].

2.3.3. Суффикс **исходного падежа в притяжательном склонении** отличается от литературного маркера не только вокалической огласовкой, но и инлаутным согласным: *т* замещается согласным *к*, ср.:

киицкыд ‘из твоей руки’ ELA-POSS.2SG — литер. *кыицьтыд*;

мылкыдицкыд ‘из твоей мысли’ ELA-POSS.2SG — литер. *мылкыдыцьтыд*;

ымыцкыд ‘из твоего рта’ ELA-POSS.2SG — литер. *ымыцьтыд*.

Аналогичные формы с инлаутным *к*, по данным диалектологов, сегодня встречаются в бесермянском наречии (спорадически), а также в отдельных южных и периферийно-южных говорах (грах., кукм., шошм., бавл. и др.) [там же]. Переход *т > к* здесь, вероятно, является инновационным, поскольку в случае притяжательного склонения в составе маркера исходного падежа большинством ученых восстанавливается древний показатель аблатива на **-i(V)* [Серебрянников 1963: 62; Rédei 1981: 283; Csúcs 2005: 205; Кондратьева 2011в: 90 и др.], т. е. *т*-овый элативный вариант суффикса посессивного склонения, идентичный современному литературному маркеру, имеет более архаичное происхождение.

3. Глагольная морфология

3.1. Залоги глагола

В современном удмуртском языке традиционно выделяют две группы залогов: понудительный и непонудительный, возвратный и невозвратный [УКК 2011: 197—220].

3.1.1. **Понудительный залог** в литературном языке, как и в абсолютном большинстве удмуртских диалектов, образуется от основы непонудительного залога присоединением маркера *-т(ы)-*: *вераськыны* ‘говорить’ — *вераськытыны* ‘заставить говорить’, *лыдзыны* ‘читать’ — *лыдзытыны* ‘заставить читать’, *ужаны* ‘работать’ — *ужатыны* ‘заставить работать’ и др. К сожалению, в букваре формы понудительного залога нам зафиксировать не удалось. Вероятно, это связано с небольшим объемом текстового материала памятника, о чем ранее мы уже упоминали.

3.1.2. **Возвратный залог**, противопоставленный невозвратному (с нулевым показателем), в современном удмуртском языке образуется с помощью маркеров *-иськ(ы)-/-йськ(ы)-*, *-ск(ы)-* (I спряжение) и *-ськ(ы)-* (II спряжение)¹⁰. В букваре формы возвратного залога от глаголов I спряжения образуются с помощью суффиксов:

1) *-ицк(ы)-*:

вордицки ‘я родился’ REFL-1PST.1SG — литер. *вордйськи* / *вордски*;

кецицкем ‘порванный’ REFL-PTCP — литер. *кесиськем*;

кылзицкыса ‘слушая’ REFL-CONV — литер. *кылзйськыса*, *эн кылзицкы* ‘не слушай’ NEG.IMP.2SG-REFL — литер. *эн кылзйськы*;

çотицкыса ‘отдаваясь’ REFL-CONV — литер. *сётйськыса* / *сётскыса*;

возьо карицкы диал. ‘приветствуй’ REFL.IMP.2SG;

2) *-цк(ы)-*:

дышецкомы ‘мы будем учиться’ REFL-FUT-1-PL — литер. *дышетйськом(ы)* / *дышетском(ы)*;

куцкы ‘начни’ REFL.IMP.2SG — литер. *кутйськы* / *кутскы*, *эн куцкы* ‘не начинай’ NEG.IMP.2SG-REFL — литер. *эн кутйськы* / *эн кутскы*, *куцкем* ‘он, оказывается, начал’ REFL-2PST.3SG — литер. *кутйськем(ез)* / *кутскем(ез)*;

жуцкы ‘помоги’ REFL.IMP.2SG — литер. *юрттйськы*.

Возвратный залог от глаголов II спряжения образуется присоединением маркера *-ськ(ы)-*:

восяцкомы ‘мы будем молиться’ REFL-FUT-1-PL — литер. *восьяськом(ы)*, *восяцкы* ‘молись’ REFL.IMP.2SG — литер. *восьяськы*, *восяцкыкыз* ‘во время его моления’ REFL-CONV-3SG — литер. *восьяськыкуз*;

эн лучкацкы ‘не воруй’ NEG.IMP.2SG-REFL — литер. *эн лушкаськы*;

нумасцозы ‘будут называться’ REFL-FUT-3-PL — литер. *нимаськозы*.

¹⁰ Глаголы I и II спряжения отличаются друг от друга финальной гласной основы, стоящей перед инфинитивным показателем *-ны*: глагольные основы с конечной *-ы*- относятся к I спряжению (*мыныны* ‘идти’, *пырыны* ‘заходить’, *учкыны* ‘смотреть’ и др.), а с *-а-* (*-я-*) — ко II спряжению (*бичаны* ‘собирать’, *дасяны* ‘готовить’, *ужаны* ‘работать’ и др.) [УКК 2011: 148].

Показатель возвратного залога *-ис'к(ы)-* в сочетании с глагольными основами на *-ты-* в современных диалектах удмуртского языка может видоизменяться [Кельмаков 2006: 140]. Это наблюдается и в памятнике. Как видим, формы возвратного залога от глаголов I спряжения здесь образуются с помощью двух маркеров — *-ис'к(ы)-* и *-чк(ы)-* (графически *-ицк(ы)-* и *-цк(ы)-*¹¹ соответственно)¹². При этом *-чк(ы)-* представляет собой модификацию основного суффикса *-ис'к(ы)-* и возник в результате сочетания корневого элемента *t* с суффиксальным *c'* [там же: 141]. На данный момент вариант *-чк(ы)-*, как отмечают лингвисты, функционирует в отдельных южноудмуртских говорах (в кырыкмасских [там же], граховских [Атаманов 1981: 69] и др.), а также зафиксирован в верхнечепецких северноудмуртских говорах [Алашеева 1982: 92] и в бесермянском наречии¹³.

3.2. Категория наклонения и временные формы

В литературном языке и большинстве удмуртских диалектов представлены следующие наклонения: изъявительное, повелительное и сослагательное. Все они встречаются и в тексте букваря.

3.2.1. Основным отличительным признаком глагольных форм в **изъявительном наклонении** является их способность изменяться по временам. В удмуртском языке выделяют восемь временных форм: четыре простых (настоящее, будущее, первое прошедшее (очевидное), второе прошедшее (неочевидное)) и четыре сложных формы прошедшего времени (I плюсквамперфект, II плюсквамперфект, прошедшее длительное, прошедшее многократное) [УКК 2011: 170].

В образовании простых временных форм никаких отклонений от литературных норм в памятнике не наблюдается, ср.:

јаратицко ‘люблю’ PRS.1SG — литер. *јартицько*, *уле* ‘живет’ PRS.3SG — литер. *улэ*, *јаратицкоды* ‘любите’ PRS-2-PL — литер. *јартицькоды*, *тырто* ‘стараются’ PRS.3PL — литер. *туртто*, *уз јыромы* ‘не блуждает’ NEG.PRS.3SG — литер. *уз јыромы* и др.;

јото ‘отдам’ FUT.1SG — литер. *сјото*, *берыктод* ‘вернешь’ FUT-2SG — литер. *берыктод*, *улоз* ‘будет жить’ FUT-3SG — литер. *улоз*, *дышецкомы* ‘мы будем учиться’ FUT-1-PL — литер. *дышетіськом(ы)* / *дышетском(ы)*, *јаратозы* ‘полюбят’ FUT-3-PL — литер. *јаратозы*, *уз јараты* ‘не будет любить’ NEG.FUT.3SG — литер. *уз јараты*, *уз кареле* ‘не сделают’ NEG.FUT.3-PL — литер. *уз каре(лэ)* и др.;

вордицки ‘я родился’ 1PST.1SG — литер. *вордїськи/вордски*, *адзид* ‘ты увидел’ 1PST-2SG — литер. *адзид*, *лыктиз* ‘он пришел’ 1PST-3SG — литер. *лыктїз*, *улимы* ‘мы жили’ 1PST-1-PL — литер. *улім(ы)*, *ужады* ‘вы работали’ 1PST-2-PL — литер. *ужады*, *јуазы* ‘они спросили’ 1PST-3-PL — литер. *јуазы*, *одке кушты* ‘если ты не выбросил’ NEG.1PST.2SG — литер. *од ке кушты*, *озке јараты* ‘если он не любил’ NEG.1PST.3SG — литер. *оз ке јараты* и др.;

каремед ‘ты, оказывается, сделал’ 2PST-2SG — литер. *каремед*, *куцкем* ‘он, оказывается, начал’ 2PST.3SG — литер. *кутскем(ез)*, *веральзам* ‘они, оказывается, сказали’ 2PST.3PL — литер. *вераллям(зы)*, *лыктильзам* ‘они, оказывается, пришли’ 2PST.3PL — литер. *лыктїллям(зы)*.

Сложные формы прошедшего времени в букваре не встречаются.

3.2.2. В памятнике утвердительные формы **повелительного наклонения** единственного числа, как и в современном удмуртском языке, не имеют морфологического маркера, т. е. совпадают с основой глагола¹⁴: *ветлы* ‘сходи’ IMP.2SG — литер. *ветлы*, *лэсты* ‘сделай’ IMP.2SG — литер. *лэсты*, *мицкы* ‘вымой’ IMP.2SG — литер. *мицкы*, *курда* ‘бойся’ IMP.2SG — литер. *курда*, *кышйа* ‘заштопай’ IMP.2SG — литер. *кышья*, *сына* ‘расчеши’ IMP.2SG — литер. *сына* и др. При этом в литературном языке происходит выпадение конечной гласной основы *-ы* глаголов I спряжения при отсутствии сочетания согласных в корне слова: *мын* ‘иди’, *си* ‘ешь’, *ю* ‘пей’ и т. д. [УКК 2011: 164]. В букваре, напротив, в целом наблюдается тенденция употребления полных императивных форм: при наличии указанного выше условия в 16 случаях конечная гласная основы глаголов I спряжения сохраняется (*вуры* ‘зашей’ IMP.2SG — литер. *вур*,

¹¹ Буква *ц* в памятнике выражает фонему /č/ [Безенова 2022а: 9].

¹² Стоит отметить, что в структуре двух отглагольных существительных присутствует еще и вариант *-с'к(ы)-* (графически *-ск-*): *дышецкиційослы* ‘ученикам’ PL-DAT — литер. *дишетскисьёслы* (ср. *дышецкиційосыз* ‘его ученики’ PL-POSS.3SG — литер. *дишетскисьёсыз*), *куцкем* ‘начало’ — литер. *кутскем*, — хотя в самих глагольных формах, от которых они образованы, как видно из приведенных выше примеров, употребляется суффикс *-чк(ы)-*.

¹³ Подобные формы представлены в бесермянском корпусе на сайте beserman.ru (ср. *ten' so äžät kwaš'mānā kad' kič'ke, sre soje tupat't'anā d'eš' n'i* ‘Вот они вроде как начнут подсыхать, тогда их поправлять уже легко’; *zäkez vnike d'ev'atuj klassān dāšeč'ke n'i* ‘Мой старший внук учится уже в девятом классе’ и др.).

¹⁴ Ударение при этом переходит на первый слог слова: *вётлы* ‘сходи’, *дўгды* ‘остановись’, *ўжа* ‘работай’ и др. [УКК 2011: 164].

куры 'попроси' IMP.2SG — литер. *кур, нуку* 'сиди' IMP.2SG — литер. *нук* и др.), в трех случаях употребляется усеченный вариант (*буре вай* 'вспомни добрым словом' IMP.2SG — литер. *буре вай, возь* 'держи' IMP.2SG — литер. *возь, шу* 'скажи' IMP.2SG — литер. *шу*), а в двух наблюдается параллельное употребление форм с финальной гласной *-ы* и без нее (*кар* ~ *кары* 'сделай' IMP.2SG — литер. *кар, лу* ~ *луы* 'будь' IMP.2SG — литер. *лу*). По мнению исследователей, формы повелительного наклонения единственного числа с конечной гласной основы *-ы* по своему происхождению являются более архаичными [Lakó 1973: 114; Тараканов 1984: 28].

Утвердительные императивные формы множественного числа в памятнике образуются с помощью суффиксов *-еле* (I спряжение) и *-ле* (II спряжение):

бастеле 'возьмите' IMP.2PL — литер. *бастэ(лэ), кылзэле* 'слушайте' IMP.2PL — литер. *кылзэ(лэ), улеле* 'живите' IMP.2PL — литер. *улэ(лэ)* и др.;

верале 'скажите' IMP.2PL — литер. *вералэ, даçале* 'приготовьте' IMP.2PL — литер. *дасялэ, курдале* 'бойтесь' IMP.2PL — литер. *курдалэ* и др.

Как видим, утвердительные формы повелительного наклонения множественного числа от глаголов I спряжения в литературном языке, в отличие от текста букваря, могут употребляться с дополнительным компонентом *-лэ* либо без него. На уровне диалектов каких-то конкретных различий в зависимости от употребления этих форм не прослеживается. По мнению И. В. Тараканова, императивный маркер множественного числа *-э(-)* генетически восходит к форманту глаголов 3-го лица единственного числа изъявительного наклонения, а элемент *-л-*, возможно, представляет собой исчезнувший согласный *л* основы глаголов II спряжения [Тараканов 1984: 26].

Отрицательные формы повелительного наклонения как в памятнике, так и в удмуртском литературном языке и его диалектах образуются путем сочетания препозитивного глагола *эн* 'не', который не изменяется по лицам и числам, с соответствующими утвердительными формами:

эн ветлы 'не ходи' NEG.IMP.2SG — литер. *эн ветлы, эн сұлмасы* 'не беспокойся' NEG.IMP.2SG — литер. *эн сұлмасыкы, эн уккы* 'не смотри' NEG.IMP.2SG — литер. *эн учкы, эн вера* 'не говори' NEG.IMP.2SG — литер. *эн вера, эн кеça* 'не рви' NEG.IMP.2SG — литер. *эн кеся, эн курла* 'не осуждай' NEG.IMP.2SG — литер. *эн курла* и др.;

эн кеçаскеле 'не кричите' NEG.IMP.2PL — литер. *эн кесяське(лэ), эн кеçале* 'не рвите' NEG.IMP.2PL — литер. *эн кесялэ, эн саптале* 'не пачкайте' NEG.IMP.2PL — литер. *эн сапталэ*.

В удмуртском литературном языке, помимо синтетического, выделяется также аналитический способ образования форм повелительного наклонения, при котором глагол сочетается с препозитивными неизменяемыми частицами *мед* и *медам* (*медад, медаз*) [УКК 2011: 168]. Подобные утвердительные и отрицательные императивные формы 3-го лица встречаются и в тексте памятника:

мед быроз 'пусть исчезнет' IMP.3SG — литер. *мед быроз, мед быдмоз* диал. 'пусть исчезнет' IMP.3SG, *мед улоз* 'пусть будет жить' IMP.3SG — литер. *мед улоз, мед уçоз* 'пусть упадет' IMP.3SG — литер. *мед усёз;*

мидаз куцкы 'пусть не прилипнет' NEG.IMP.3SG — литер. *медаз кутйськы / медаз кутскы, мидаз поты* 'пусть не выйдет' NEG.IMP.3SG — литер. *медаз поты, вожед мидаз поты* 'пусть ты не рассердишься (досл. пусть твой гнев не выйдет)' NEG.IMP.3SG — литер. *вожед медаз поты*.

3.2.3. Сослагательное наклонение в удмуртском литературном языке образуется с помощью суффикса *-сал*, присоединяемого к глагольной основе. При этом формы единственного числа 1-го лица употребляются без личных показателей, 2-го и 3-го лица могут выступать как с личными маркерами, так и без них, а во множественном числе показатели лица и числа присоединяются во всех трех лицах: *мон ветлысал* 'я бы ходил', *тон ветлысал(ыд)* 'ты бы ходил', *со ветлысал(ыз)* 'он бы ходил', *ми ветлысалмы* 'мы бы ходили', *тй ветлысалды* 'вы бы ходили', *соос ветлысалзы* 'они бы ходили'. Отрицательные формы сослагательного наклонения образуются путем сочетания соответствующих утвердительных форм с неизменяемым по лицам и числам препозитивным глаголом *ой*: *мон ой ветлысал* 'я бы не ходил', *тон ой ветлысал(ыд)* 'ты бы не ходил', *со ой ветлысал(ыз)* 'он бы не ходил', *ми ой ветлысалмы* 'мы бы не ходили', *тй ой ветлысалды* 'вы бы не ходили', *соос ой ветлысалзы* 'они бы не ходили' [ГСУЯ 1962: 211—212]. К сожалению, в букваре нам не удалось выявить ни одной формы сослагательного наклонения, поэтому сопоставление данных памятника с литературными не представляется возможным.

3.2.4. В отдельных диалектах удмуртского языка, кроме трех основных, исследователи отмечают наличие четвертого — **желательного наклонения**. Полные парадигмы спряжения зафиксированы в говоре д. Муважи Алнашского района Удмуртской Республики, кукморском, кырыкмасских и некоторых других южноудмуртских говорах [Кельмаков 2006: 145—146]. В тексте букваря мы выявили лишь одну подобную форму (*мед луоз вал* 'пусть бы стало' — литер. *мед луоз вал*), поэтому из-за ограниченности фактического материала в данном случае мы не можем утверждать, что в анализируемом памятнике действительно представлено желательное наклонение.

3.3. Неспрягаемые формы глагола

К неспрягаемым формам глагола в удмуртском языке относятся инфинитив, причастие и деепричастие.

3.3.1. Показателем **инфинитива** в удмуртском литературном языке и в абсолютном большинстве современных диалектов является аффикс *-ны*. Идентичный морфологический маркер представлен и в тексте «Букваря для вотяцких детей Сарапульского уезда»: *ви́быны* ‘ждать’ — литер. *витьыны*, *лэстыны* ‘делать; сотворить’ — литер. *лэстыны*, *кутыны* ‘брать; принять’ — литер. *кутыны*; *возьманы* ‘охранять’ — литер. *возьманы*, *кецаны* ‘рвать’ — литер. *кесяны*, *ужаны* ‘работать’ — литер. *ужаны* и др.

3.3.2. **Причастия** в букваре имеют следующие морфологические показатели:

1) **-иц** (от глаголов I спряжения), **-ц** (от глаголов II спряжения):

куруц ‘просящий’ — литер. *курусь*, *мыниц* ‘идуший’ — литер. *мынйсь*, *улиц* ‘живущий’ — литер. *улийсь* и др.;

жаляц ‘жалующий’ — литер. *жалясь*;

2) **-ем** (от глаголов I спряжения), **-м** (от глаголов II спряжения):

адзем ‘увиденный’ — литер. *адзем*, *лэстем* ‘сделанный’ — литер. *лэстэм*, *сетем* ‘отданный’ — литер. *сэтэм* и др.;

верам ‘сказанный’ — литер. *верам*;

3) **-оно** (от глаголов I спряжения), **-но** (от глаголов II спряжения):

жетоно ‘которое должно достаться’ — литер. *йөтоно*, *сүзөно* ‘которое предстоит достать’ — литер. *сүзөно*;

верано ‘которое предстоит сказать’ — литер. *верано*, *ужано* ‘которое предстоит выполнить’ — литер. *ужано*;

4) **-он**:

дышетон ‘предназначенный для обучения’ — литер. *дышетон*;

5) **-мте**:

уфалтемте ‘не сбереженный’ — литер. *уфалтымтэ*.

В целом морфологические показатели, выявленные в памятнике, внешне соответствуют литературным, никаких отклонений не наблюдается. Однако в случае образования причастия с помощью суффикса *-мте*, который представлен лишь одной лексемой, стоит обратить внимание на конечную гласную основы, к которой присоединяется указанный маркер. Как видим, здесь финальная гласная *-ы* переходит в *-е* (*уфалтемте* ‘не сбереженный’ — литер. *уфалтымтэ*). Эта особенность прослеживается и в субстантивированных причастиях, ср.:

луемте ‘отсутствие’ — литер. *луымтэ*;

потемтейослы ‘не желающим’ PL-DAT — литер. *потымтэослы*;

тодемтейез ‘незнание’ ACC — литер. *тодымтэез*, *тодемтеде* ‘твое незнание’ POSS.2SG-ACC — литер. *тодымтэдэ*.

Объяснить однозначно причины возникновения такого перехода, к сожалению, мы пока не можем. Ранее аналогичные формы были отмечены нами в памятнике «Угет. Святой Тихон дышетэм зеч кылъёс. Наставление христианское св. Тихона» (1878), ср.: *адземте* ‘не увиденный’ — литер. *адзымтэ*, *ветлэмтэ* ‘не ходивший’ — литер. *ветлымтэ*, *тупатемте* ~ *тупатэмтэ* ‘не исправленный’ — литер. *тупатымтэ* [Безенова 2022б: 348], — однако в современных диалектах удмуртского языка и в научной литературе упоминаний о подобных формах мы пока не встречали. Возможно, здесь представлена регрессивная ассимиляция либо вообще стоит выделять не суффикс *-мте*, а маркер *-емте* с вокалической инициалью, поскольку эта особенность может быть обусловлена связью маркера *-мте* с показателем *-ем*, которые по своему значению противопоставлены друг другу: с помощью *-ем* образуются утвердительные формы, а с *-мте* — отрицательные, т. е., вероятно, в памятнике изначально от основы глагола образуется утвердительная форма (в нашем случае *уфалтем* ‘сбереженный’), а уже от него — отрицательная (*уфалтем+те* > *уфалтемте* ‘не сбереженный’). В любом случае мы надеемся, что дальнейшее изучение памятников письменности и современных удмуртских диалектов прольет свет на происхождение данного явления.

3.3.3. Морфологические показатели **деепричастий** в букваре представлены следующими маркерами:

1) **-са**:

басътыса ‘взяв’ — литер. *басътыса*, *лэстыса* ‘делая’ — литер. *лэстыса*, *потыса* ‘выйдя’ — литер. *потыса* и др.;

валаса ‘поняв’ — литер. *валаса*, *жуаса* ‘спросив’ — литер. *юаса*, *лукаса* ‘собрав’ — литер. *люкаса* и др.;

2) **-тек:**

вунитек ‘не забывая’ — литер. *вунитэк*, *дугдытек* ‘не переставая’ — литер. *дугдытэк*, *лезыитек* ‘не отпуская’ — литер. *лезыитэк* и др.;

налпате́к ‘не обдумав’ — литер. *малпате́к*, *ужатек* ‘не работая’ — литер. *ужатэк*;

3) **-кы(-):**

во́са́сқыкыз ‘когда он молится’ 3SG — литер. *во́са́сьқыкуз*, *пырыкыды* ‘когда вы входите’ 2-PL — литер. *пырыкуды*;

4) **-тоҕ:**

карытоҕ ‘вместо того, чтобы сделать’ — литер. *карытозь*, *шуытоҕ* ‘вместо того, чтобы сказать’ — литер. *шуытозь*, *шыдытоҕ* ‘вместо того, чтобы играть’ — литер. *шудытозь*.

Итак, в данном случае можно выделить две особенности. Первая заключается в употреблении суффикса *-кы(-)* в соответствии с литературным *-ку(-)*. Показатель *-кы(-)* представлен и в современных удмуртских диалектах: он встречается в говорах южной диалектной зоны [Кельмаков 1978: 31, 44; 2006: 159; Атаманов 1981: 55; 2005: 188], в отдельных срединных говорах [Бушмакин 1971: 311; Тепляшина 1973: 208; Загуляева 1980: 15] и в нижнечепецком диалекте северного наречия [Карпова 2018: 357]. По своему происхождению *-кы(-)* считается более архаичным, а показатель *-ку*, характерный для литературного языка и ряда удмуртских диалектов, вероятно, возник из формы на *-кы* по аналогии с вопросительным местоименным наречием *ку?* ‘когда’ [Бубрих 1948: 70; Перевошиков 1959: 70; Серебренников 1963: 302]. Отметим также: несмотря на то, что деепричастия относятся к неспрягаемым формам глагола, деепричастия с маркером *-ку* в удмуртском языке могут изменяться по лицам и числам, подобно финитным формам, что наглядно демонстрируют приведенные выше примеры.

Другая особенность представлена употреблением в памятнике маркера *-тоҕ* в соответствии с литературным *-тозь*. При этом объяснить глухой ауслат показателя в букваре лишь фонетическими причинами, на наш взгляд, сложно, поскольку для графической системы источника в целом не характерна запись конечных звонких согласных буквами для глухих. Кроме того, аналогичный маркер зафиксирован в кукморском, шошминском и бавлинском говорах периферийно-южного диалекта удмуртского языка [Кельмаков 2006: 157]. Возможно, этот алломорф встречается и в других говорах южной диалектной зоны, но из-за низкого уровня изученности данного ареала они пока не выявлены.

4. Выводы

Итак, в тексте «Букваря для вотяцких детей Сарапульского уезда» на морфологическом уровне можно выделить ряд особенностей архаичного и инновационного характера, посредством которых язык памятника отличается от литературного удмуртского языка и отдельных его диалектов. Архаичными по своему происхождению, по всей вероятности, являются две особенности:

- 1) образование форм множественного числа имен существительных от основ с финальной гласной с помощью суффикса *-йос*;
- 2) образование деепричастий, обозначающих дополнительное действие, протекающее одновременно с основным, с помощью маркера *-кы(-)*.

К явлениям инновационного характера, по нашему мнению, можно отнести:

- 1) функционирование показателя исходного падежа в *и*-овой огласовке;
- 2) употребление в притяжательном склонении исходного падежа маркера *-исқы-* в соответствии с литературным *-ысьты-*;
- 3) образование форм возвратного залога от глаголов I спряжения с помощью суффикса *-цк(ы)-*, представляющего собой модификацию маркера *-цк(ы)-* в сочетании с глагольными основами на *-ты-*;
- 4) функционирование деепричастий с показателем *-тоҕ* в соответствии с литературным *-тозь*.

Все выявленные особенности как архаичного, так и инновационного характера, как было показано выше, представлены в современных говорах южной диалектной зоны, в первую очередь в центрально-южном диалекте. Данные таблицы 5, в которой отображено распределение морфологических особенностей в четырех рассмотренных памятниках: «Наставлении христианском святителя Тихона» (1891), «Законе Божиим» (1912), «Житии св. Феодора» (1913), «Букваре для вотяцких детей Сарапульского уезда» (1882), — также показывают, что букварь имеет общие черты с памятниками на южном наречии, однако не идентичен им. К аналогичному выводу мы пришли и в процессе рассмотрения фонетических особенностей источника [Безенова 2022а: 28—29]. Таким образом, как видим, результаты проведенного анализа не противоречат выдвинутой нами ранее гипотезе относительно диалектной принадлежности текста «Букваря для вотяцких детей Сарапульского уезда» (1882).

Таблица 5. Распределение основных морфологических особенностей в рассмотренных памятниках на четырех наречиях удмуртского языка

№ п/п	Морфологическая особенность	Наставление (каз.)	Житие (елаб.)	Букварь (сар.)	Закон Божий (глаз.)
<i>архаичные явления</i>					
1	Образование форм множественного числа имен существительных от основ с конечной гласной с помощью суффикса <i>-йос</i>	+	+	+	
2	Образование деепричастий с помощью маркера <i>-кы</i>	+	+	+	
3	Употребление в формах разделительного падежа параллельно с аффиксом <i>-лэс'</i> маркера <i>-лис'</i>	+	+		
4	Отсутствие в отрицательных формах прошедшего неочевидного времени 3-го лица множественного числа элемента <i>-л'л'а-</i>		+		
5	Употребление маркеров возвратного залога, настоящего времени 1-го и 2-го лица, 3-го лица множественного числа прошедшего неочевидного времени, причастий настоящего времени, образованных от глаголов I спряжения, в <i>ы</i> -овой огласовке				+
<i>инновационные явления</i>					
6	Функционирование деепричастий с показателем <i>-мос'</i> в соответствии с литературным <i>-тоз'</i>	+	+	+	
7	Употребление в притяжательном склонении исходного падежа маркера <i>-ис'кы-</i> в соответствии с литературным <i>-ыс'ты-</i>	+		+	
8	Функционирование элативных и эгрессивных показателей в <i>и</i> -овой огласовке		+	+	
9	Образование форм возвратного залога от глаголов I спряжения с помощью маркера <i>-чк(ы)-</i>	+	+	+	
10	Функционирование маркеров деепричастий <i>-эмн'а</i> (I спряжение), <i>-мн'а</i> (II спряжение) в соответствии с литературными <i>-эмйа</i> (I спряжение), <i>-мйа</i> (II спряжение)	+			
11	Образование терминатива с помощью суффикса <i>-ос'</i>		+		
12	Образование форм возвратного залога от глаголов I спряжения с помощью маркера <i>-к(ы)-</i>		+		
13	Употребление лично-притяжательных маркеров с <i>и</i> -овой огласовкой в словах, обозначающих термины ближайшего родства				+
14	Функционирование форм приблизительного иллотива с аффиксом <i>-н'э</i>				+
15	Оформление имен существительных в форме переходного падежа маркерами <i>-эт'и-</i> и <i>-ыт'и-</i> в соответствии с литературными <i>-эти, -ыти, -ти</i>				+
16	Образование деепричастий с помощью маркера <i>-чоз'</i> в соответствии с литературным <i>-тоз'</i>				+

Сокращения

Языки и диалекты

бавл. — бавлинский говор

бтБК. — буйско-таньпский говор деревни Большой

Качак (Калтасинский район Башкортостана)

глаз. — глазовское наречие

грах. — граховские говоры

елаб. — елабужское наречие

каз. — казанское наречие

кркм. — кырыкмасские говоры

кукм. — кукморский говор

сар. — сарапульское наречие

сред. — срединные говоры

шошм. — шошминский говор

юж. — центрально-южный диалект

Г л о с с ы

1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо	GEN — генитив
1PST — первое (очевидное) прошедшее время	IMP — повелительное наклонение
2PST — второе (неочевидное) прошедшее время	NEG — отрицательный глагол
ABL — аблатив	PL — множественное число
ACC — аккузатив	POSS — посессивный показатель
CONV — деепричастие	PRS — настоящее время
DAT — датив	PTCP — причастие
ELA — элатив	REFL — рефлексив
FUT — будущее время	SG — единственное число

О б щ и е

диал. — диалект, диалектный	литер. — литературная форма, литературный язык
досл. — дословно; дословный перевод	

Л и т е р а т у р а

- Алашеева 1982 — *А. А. Алашеева*. Верхнечепецкие говоры I // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 91—105.
- Атаманов 1981 — *М. Г. Атаманов*. Граховские говоры южноудмуртского наречия // Материалы по удмуртской диалектологии. Ижевск, 1981. С. 45—96.
- Атаманов 2005 — *М. Г. Атаманов*. От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. Ижевск, 2005.
- Безенова 2022a — *М. П. Безенова*. «Букварь для вотяцких детей Сарапульского уезда»: графико-орфографические и фонетические особенности // Урало-алтайские исследования. 2022, 2 (45). С. 7—33.
- Безенова 2022b — *М. П. Безенова*. Кириллические памятники на уральских и алтайских языках. Т. III. Памятники письменности на пяти диалектах удмуртского языка конца XIX — начала XX в. М.: Издательская группа «Альма Матер», 2022.
- Бубрих 1948 — *Д. В. Бубрих*. Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком). Ижевск, 1948.
- Букварь 1882 — Букварь для вотяцких детей Сарапульского уезда. Издание Православного Миссионерского Общества. Казань: Типо-литография В. М. Ключникова, 1882. 22 с.
- Бушмакин 1971 — *С. К. Бушмакин*. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка. Дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1971.
- ГСУЯ 1962 — Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология Ижевск, 1962.
- Загуляева 1980 — *Б. Ш. Загуляева*. Прикильмезские говоры удмуртского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1980.
- Загуляева 1982 — *Б. Ш. Загуляева*. Говоры удмуртов Кизнерского района // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 5—27.
- Карпова 2018 — *Л. Л. Карпова*. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние. Дис. ... докт. филол. наук. Ижевск, 2018.
- Кельмаков 1977 — *В. К. Кельмаков*. Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия I // Вопросы удмуртской диалектологии. Ижевск, 1977. С. 26—61.
- Кельмаков 1978 — *В. К. Кельмаков*. Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия II // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: Сборник статей и материалов. Ижевск, 1978. С. 65—85.
- Кельмаков 1993 — *В. К. Кельмаков*. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов. Ижевск, 1993.
- Кельмаков 2006 — *В. К. Кельмаков*. Краткий курс удмуртской диалектологии: Учебное пособие для высших учебных заведений. 2-е изд. Ижевск, 2006.
- Кондратьева 2011a — *Н. В. Кондратьева*. Категория падежа имени существительного в удмуртском языке. Ижевск, 2011.
- Кондратьева 2011b — *Н. В. Кондратьева*. Словоизменение имени существительного в удмуртском языке (грамматические категории падежа и числа). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Ижевск, 2011.
- Кондратьева 2011в — *Н. В. Кондратьева*. Формирование падежной системы в удмуртском языке. Ижевск, 2011.
- Лыткин 1931 — *В. И. Лыткин*. К происхождению суффикса множественного числа *jos* в удмуртском языке // На удмуртские темы: Сборник статей. Вып. II. М., 1931. С. 101—111.

Лыткин 1970 — В. И. Лыткин. О вокализме непервого слога финно-угорских языков // СФУ. 1970. Т. VI. Вып. 3. С. 221—238.

Норманская, Безенова 2018 — Ю. В. Норманская, М. П. Безенова. О важности первых миссионерских книг для изучения истории удмуртского языка. Дискуссионная заметка к статье В. В. Понарядова «О двойных огласовках удмуртских суффиксов» // Урало-алтайские исследования. 2018, 1 (28). С. 79—89.

Перевощиков 1959 — П. Н. Перевощиков. Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке. Ижевск, 1959.

Серебренников 1963 — Б. А. Серебренников. Историческая морфология пермских языков. М., 1963.

Тараканов 1984 — И. В. Тараканов. Повелительное наклонение, формы его выражения и их значения в удмуртском языке // Вопросы грамматики удмуртского языка: Сборник статей. Ижевск, 1984. С. 25—37.

Тепляшина 1970 — Т. И. Тепляшина. Язык бесермян. М., 1970.

Тепляшина 1973 — Т. И. Тепляшина. Заметки по верхнеижским удмуртским говорам // Вопросы удмуртского языкознания: Сборник статей и материалов. Вып. 2. Ижевск, 1973. С. 196—223.

Тепляшина 1975 — Т. И. Тепляшина. Употребление формантов аккузатива множественного числа в удмуртских диалектах // СФУ. 1975, XI. С. 179—185.

УКК 2011 — Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез): Тодослыко-дышетскон издание (Морфология удмуртского языка: Научно-учебное издание) / Отв. ред. Н. Н. Тимерханова. Ижевск, 2011.

Csúcs 2005 — Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest, 2005.

Fokos 1963 — D. Fokos. [рец.] Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. Ижевск, 1962 // Nyelvtudományi Közlemények. 1963, 1 (66). 215—218 old.

Kövesi 1965 — M. Kövesi. A permi nyelvek ősi képzői. Budapest, 1965.

Lakó 1973 — G. Lakó. Die Form des Imperativs in den permischen Sprachen // FUF. Helsinki, 1973. Bd. 40, H. 1—3. S. 107—116.

Rédei 1981 — Rédei K. Über die Herkunft des permischen Elativsuffixes // СФУ. 1981, XVII. S. 279—284.

Uotila 1933 — T. E. Uotila. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki, 1933.

References

Alasheeva 1982 — A. A. Alasheeva. Verkhnechepetskie govory I. In: Obraztsy rechi udmurtskogo yazyka. Izhevsk, 1982. S. 91—105. {A. A. Alasheeva. Upper-Chepts dialects I. In: Speech samples of the Udmurt language. Izhevsk, 1982. P. 91—105.}

Atamanov 1981 — M. G. Atamanov. Grakhovskie govory yuzhnoudmurtского narechiya. In: Materialy po udmurtskoi dialektologii. Izhevsk, 1981. S. 45—96. {G. A. Arkhipov. Grakhov dialects of the South Udmurt dialect. In: Materials on Udmurt dialectology. Izhevsk, 1981. P. 45—96.}

Atamanov 2005 — M. G. Atamanov. Ot Dondykara do Ursyurta. Iz istorii udmurtskikh regionov. Izhevsk, 2005. {M. G. Atamanov. From Dondykar to Ursyurt. From the history of the Udmurt regions. Izhevsk, 2005.}

Bezenova 2022a — M. P. Bezenova. “Bukvar' dlya votyatskikh detei Sarapul'skogo uezda”: grafiko-orfograficheskie i foneticheskie osobennosti. In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2022, 2 (45). S. 7—33. {M. P. Bezenova. “Primer book for Votyak children of the Sarapul district”: graphic, spelling, and phonetic features. In: Ural-Altai Studies. 2022, 2 (45). P. 7—33.}

Bezenova 2022b — M. P. Bezenova. Kirillicheskie pamjatniki na ural'skikh i altajskikh jazykah. Tom III. Pamjatniki pis'mennosti na pjati dialektah udmurtskogo jazyka konca XIX — nachala XX v. Moskva, 2022. {M. P. Bezenova. Cyrillic monuments in the Uralic and Altaic languages. Vol. III. Monuments of writing in five dialects of the Udmurt language of the late 19th — early 20th centuries. Moscow, 2022.}

Bubrih 1948 — D. V. Bubrih. Istoricheskaja fonetika udmurtskogo jazyka (sravnitel'no s komi jazykom). Izhevsk, 1948. {D. V. Bubrich. Historical phonetics of the Udmurt language (comparison with the Komi language). Izhevsk, 1948.}

Bukvar' 1882 — Bukvar' dlya votyatskikh detei Sarapul'skago uezda. Izdanie Pravoslavnogo Missionerskogo Obshchestva. Kazan': Tipo-litografiya V. M. Klyuchnikova, 1882. 22 s. {Primer book for Votyak children of the Sarapul district. Publication of the Orthodox Missionary Society. Kazan: Type-lithography by V. M. Klyuchnikov, 1882. 22 p.}

Bushmakin 1971 — S. K. Bushmakin. Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti srednevostochnykh govorov udmurtskogo yazyka. Dis. ... kand. filol. nauk. Tartu, 1971. {S. K. Bushmakin. Phonetic and morphological features of the Middle Eastern dialects of the Udmurt language. PhD thesis. Tartu, 1971.}

Csúcs 2005 — S. Csúcs Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest, 2005.

Fokos 1963 — D. Fokos. [rets.] Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka: Fonetika i morfologiya. Izhevsk, 1962. In: Nyelvtudományi Közlemények. 1963, 1 (66). 215—218 old. {D. Fokos. [rev.] Grammar of the modern Udmurt language: Phonetics and morphology. Izhevsk, 1962. In: Nyelvtudományi Közlemények. 1963, 1 (66). P. 215—218.}

GSUYa 1962 — Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka: Fonetika i morfologiya. Izhevsk, 1962. {Grammar of the modern Udmurt language: Phonetics and morphology. Izhevsk, 1962.}

Karpova 2018 — L. L. Karpova. Dialekty severnogo narechiya udmurtskogo yazyka: formirovanie i sovremennoe sostoyanie. Dis. ... dokt. filol. nauk. Izhevsk, 2018. {L. L. Karpova. Dialects of the Northern dialect of the Udmurt language: formation and current status. Doctoral thesis. Izhevsk, 2018.}

Kel'makov 1977 — V. K. Kel'makov. Kratkaya kharakteristika kyrykmasskikh govorov yuzhnoudmurtkogo narechiya I. In: Voprosy udmurtskoi dialektologii. Izhevsk, 1977. S. 26—61. {V. K. Kelmakov. Brief description of the Kyrykmas dialects of the Southern Udmurt dialect I. In: Questions of the Udmurt dialectology: Collection of papers and materials. Izhevsk, 1977. P. 26—61.}

Kel'makov 1978 — V. K. Kel'makov. Kratkaya kharakteristika kyrykmasskikh govorov yuzhnoudmurtkogo narechiya II. In: O dialektakh i govorakh yuzhnoudmurtkogo narechiya: Sbornik statei i materialov. Izhevsk, 1978. S. 65—85. {V. K. Kelmakov. Brief description of the Kyrykmas dialects of the Southern Udmurt dialect II. In: On dialects and subdialects of the South Udmurt dialect: Collection of papers and materials. Izhevsk, 1978. P. 65—85.}

Kel'makov 1993 — V. K. Kel'makov. Formirovanie i razvitie fonetiki udmurtskikh dialektov. Izhevsk, 1993. {V. K. Kelmakov. Formation and Development of Phonetics of the Udmurt Dialects. Izhevsk, 1993.}

Kel'makov 2006 — V. K. Kel'makov. Kratkii kurs udmurtskoi dialektologii: Uchebnoe posobie dlya vysshikh uchebnykh zavedenii. 2-e izd. Izhevsk, 2006. {V. K. Kelmakov. Short course of Udmurt dialectology: Textbook for higher educational institutions. 2nd ed. Izhevsk, 2006.}

Kondrat'eva 2011a — N. V. Kondrat'eva. Kategoriya padezha imeni sushchestvitel'nogo v udmurtskom yazyke. Izhevsk, 2011. {N. V. Kondratyeva. Category of the nominative case in the Udmurt language. Izhevsk, 2011.}

Kondrat'eva 2011b — N. V. Kondrat'eva. Slovoizmenenie imeni sushchestvitel'nogo v udmurtskom yazyke (grammaticheskie kategorii padezha i chisla). Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. Izhevsk, 2011. {N. V. Kondratyeva. Variation of nouns in the Udmurt language (grammatical categories of case and number). Summary of the Doctoral thesis. Izhevsk, 2011.}

Kondrat'eva 2011v — N. V. Kondrat'eva. Formirovanie padezhnoi sistemy v udmurtskom yazyke. Izhevsk, 2011. {N. V. Kondratyeva. The formation of the case system in the Udmurt language. Izhevsk, 2011.}

Kövesi 1965 — M. Kövesi. A permi nyelvek ősi képzői. Budapest, 1965.

Lakó 1973 — G. Lakó. Die Form des Imperativs in den permischen Sprachen. In: FUF. Helsinki, 1973. Bd. 40, H. 1—3. S. 107—116.

Lytkin 1931 — V. I. Lytkin. K proiskhozhdeniyu suffiksa mnozhestvennogo chisla *jos* v udmurtskom yazyke. In: Na udmurtskie teme: Sbornik statei. Vyp. II. Moskva, 1931. S. 101—111. {V. I. Lytkin. On the origin of the plural suffix *jos* in the Udmurt language. In: Udmurt topics: Collection of papers. Issue II. Moscow, 1931. P. 101—111.}

Lytkin 1970 — V. I. Lytkin. O vokalizme nepervogo sloga finno-ugorskikh yazykov. In: SFU. 1970. T. VI. Vyp. 3. S. 221—238. {V. I. Lytkin. On the vocalism of the non-first syllable of the Finno-Ugric languages. In: Soviet Finno-Ugric Studies. 1970. Vol. VI. Issue 3. P. 221—238.}

Normanskaya, Bezenova 2018 — Yu. V. Normanskaya, M. P. Bezenova. O vazhnosti pervykh missionerskikh knig dlya izucheniya istorii udmurtskogo yazyka. Diskussionnaya zametka k stat'e V. V. Ponaryadova "O dvoynykh oglasovkakh udmurtskikh suffiksov". In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2018, 1 (28). S. 79—89. {Yu. V. Normanskaya, M. P. Bezenova. On the importance of the first missionary books for the study of the history of the Udmurt language. Discussion note to the article by V. V. Ponaryadov "On double vowels of Udmurt suffixes". In: Ural-Altaic Studies. 2018, 1 (28). P. 79—89.}

Perevoshnikov 1959 — P. N. Perevoshnikov. Deeprichastija i deeprichastnye konstrukcii v udmurtskom jazyke. Izhevsk, 1959. {P. N. Perevoshnikov. Germs and participle constructions in the Udmurt language. Izhevsk, 1959.}

Rédei 1981 — K. Rédei. Über die Herkunft des permischen Elativsuffixes // SFU. 1981, XVII. S. 279—284.

Serebrennikov 1963 — B. A. Serebrennikov. Istoricheskaya morfologiya permskikh yazykov. Moskva, 1963. {B. A. Serebrennikov. Historical morphology of Perm languages. Moscow, 1963.}

Tarakanov 1984 — I. V. Tarakanov. Povelitel'noe naklonenie, formy ego vyrazheniya i ikh znacheniya v udmurtskom yazyke. In: Voprosy grammatiki udmurtskogo yazyka: Sbornik statei. Izhevsk, 1984. S. 25—37. {I. V. Tarakanov. The imperative mood, forms of its expression and their meanings in the Udmurt language. In: Questions of grammar of the Udmurt language: Collection of papers. Izhevsk, 1984. P. 25—37.}

Teplyashina 1970 — T. I. Teplyashina. Yazyk besermyan. Moskva, 1970. {T. I. Teplyashina. Beserman language. Moscow, 1970.}

Teplyashina 1973 — T. I. Teplyashina. Zametki po verkhneizhskim udmurtskim govoram. In: Voprosy udmurtskogo yazykoznanija: Sbornik statei i materialov. Vyp. 2. Izhevsk, 1973. S. 196—223. {T. I. Teplyashina. Notes on the Upper-Izh Udmurt dialects. In: Questions of Udmurt linguistics: Collection of papers and materials. Issue 2. Izhevsk, 1973. P. 196—223.}

Teplyashina 1975 — T. I. Teplyashina. Upotreblenie formantov akkuzativa mnozhestvennogo chisla v udmurtskikh dialektakh. In: SFU. 1975, XI. S. 179—185. {T. I. Teplyashina. The use of plural accusative formants in the Udmurt dialects. In: Soviet Finno-Ugric Studies. 1975, XI. P. 179—185.}

UKK 2011 — Udmurt kyllehn kylkabtodosehz (morfologiez): Todoslyko-dyshetskon izdanie (Morfologiya udmurtskogo yazyka: Nauchno-uchebnoe izdanie) / Otv. red. N. N. Timerkhanova. Izhevsk, 2011. {Morphology of the Udmurt language: Scientific and educational publication / Ed. N. N. Timerkhanova. Izhevsk, 2011.}

Uotila 1933 — T. E. Uotila. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki, 1933.

Zagulyaeva 1980 — B. Sh. Zagulyaeva. Prikil'mezskie govory udmurtskogo yazyka. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tartu, 1980. {B. Sh. Zagulyaeva. Kilmez dialects of the Udmurt language. Summary of the PhD thesis. Tartu, 1980.}

Zagulyaeva 1982 — B. Sh. Zagulyaeva. Govory udmurtov Kiznerskogo raiona. In: Obraztsy rechi udmurtskogo yazyka. Izhevsk, 1982. S. 5—27. {B. Sh. Zagulyaeva. Dialects of the Kizner district Udmurts. In: Speech samples of the Udmurt language. Izhevsk, 1982. P. 5—27.}